

УРОВЕНЬ, ДИНАМИКА, ФАКТОРЫ АБСОЛЮТНОЙ И ОТНОСИТЕЛЬНОЙ БЕДНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Е.Я. Пастухова^{1а}, А.В. Мухачёва^{2б}, О.П. Кочнева^{3с}

^аКемеровский государственный университет

^бНовгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

^сКузбасский региональный институт развития профессионального образования

АННОТАЦИЯ:

Существенные различия между российскими регионами по масштабам, профилю бедности являются препятствием в достижении национальной цели по сокращению уровня бедности в два раза к 2030 г. В субъектах Сибирского федерального округа на протяжении длительного времени доля бедного населения была и остается выше, чем в среднем по России. Это обуславливает научную и практическую значимость анализа динамики масштабов бедности и их взаимосвязи с демографическими, социально-экономическими факторами, оказывающими значимое влияние на изменения численности абсолютно или относительно бедного населения.

Абсолютный и относительный подходы являются теоретико-методологической основой исследования. На основе данных подходов проанализированы уровень, динамика бедности, выявлены демографические, социально-экономические факторы, определяющие профиль бедности. Информационная база исследования – данные региональной статистики по территориям Сибирского федерального округа. Используются методы сравнительного анализа, динамического анализа, ранговые корреляции Спирмена.

Выявлена различная динамика абсолютной и относительной бедности в периоды кризиса и восстановительного роста. Выделены регионы с устойчиво высокими масштабами абсолютной бедности (республика Тыва, республика Алтай), территории со средними и достаточно низкими показателями численности малоимущих граждан. В условиях кризиса 2014–2016 годов увеличилась доля абсолютно бедных. В этот же период удельный вес относительно бедных немного снизился по причине сокращения внутрирегионального неравенства по доходам. Абсолютная бедность определяется демографическими факторами («нагрузка детьми»), повышенной долей сельских жителей в регионе, низким уровнем среднедушевых доходов, достаточно высоким уровнем общей безработицы. Рост среднедушевых денежных доходов населения, скорректированных на региональный прожиточный минимум, работает на снижение численности малоимущих.

Использование в качестве критерия относительной бедности денежного дохода менее 60 % медианного дохода меняет демографический и региональный профиль бедности. При использовании данного критерия сокращается бедность в территориях с высокой детской нагрузкой. Но повышается риск относительной бедности пенсионеров. Определены факторы роста уровня относительной бедности: позитивная динамика уровня занятости, рост среднедушевого денежного дохода населения, скорректированного на величину прожиточного минимума. Результаты исследования применимы при разработке социальной политики, направленной на снижение уровня бедности в наиболее уязвимых социальных и демографических группах населения.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Международного научного фонда экономических исследований академика Н. П. Федоренко на тему: «Особенности региональной бедности: масштабы, характеристики, факторы влияния, перспективы снижения (на примере сибирских регионов)».

¹AuthorID РИНЦ: 405114, ORCID: 0000-0001-5518-1783

²AuthorID РИНЦ: 680524, ORCID: 0000-0002-3720-4969

³AuthorID РИНЦ: 614574, ORCID: 0000-0002-2796-9669

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: абсолютная бедность, относительная бедность, демографические факторы, денежные доходы, прожиточный минимум, уровень общей безработицы, уровень занятости, регионы Сибири.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пастухова Е.Я., Мухачёва А.В., Кочнева О.П. (2021). Уровень, динамика, факторы абсолютной и относительной бедности: региональный аспект // Вопросы управления. № 3. С. 80–92.

Введение и постановка проблемы

Бедность населения российских регионов является одной из наиболее приоритетных проблем социально-экономического развития. Снижение уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 г. заявлено в Указе «О национальных целях развития России до 2030 года»⁴. В соответствии с этим, уровень бедности нужно снизить с 12,9 % до 6,5 %. Однако возможность реализации данной цели во всех регионах РФ вызывает сомнения у специалистов [1, с. 64]. Препятствиями на пути достижения поставленной цели являются существенные межрегиональные различия по масштабам (уровню) бедности, уровню экономического развития, величине номинальных и реальных доходов населения, уровню занятости, безработицы, инвестиционному климату, демографическому составу населения и др.

Изучение данной темы на примере субъектов Сибирского федерального округа (СФО) обусловлено следующими причинами. На протяжении длительного периода масштабы бедности в регионах СФО были выше среднего значения по России. В 2008 г. среднероссийский уровень бедности составил 13,1 %; региональные различия по этому показателю в субъектах СФО – 13,9–31,6 %. В 2013 г. в среднем по стране – 10,8 %; в сибирских территориях – 12,1–33,4 %. В 2019 г. уровень бедности в среднем по РФ – 12,3 %; в регионах СФО – 13,9–34,7 %. В 2020 г. влияние коронавирусного кризиса на экономику, социальную политику в регионах было различным. Сильнее всего пострадали крупные города с хорошо развитой сервисной экономикой. Из-за снижения платежеспособного спроса населения многие малые и средние организации, предоставляющие услуги, были вынуждены сократить или перевести в режим неполной занятости часть своих работников. Промышленный спад был

более сильным в регионах, занятых добычей угля, нефти и газа (Кемеровская область, Томская область, Красноярский край) из-за снижения внутреннего и глобального спроса на углеводороды. В 2020 г. уровень зарегистрированной безработицы сильнее всего увеличился в индустриальных (Томская, Кемеровская и Омская области) и слабо развитых сибирских территориях (Республики Тыва и Горный Алтай).

Произошедшие изменения негативно повлияли на реальные доходы населения, структуру потребления, развитие сервисных отраслей экономики, показатели занятости, увеличились масштабы неполной занятости и уровень зарегистрированной безработицы. Следствием данных социально-экономических процессов является снижение уровня жизни населения большинства сибирских субъектов. Данные Росстата за 2020 г. об уровне бедности в разрезе российских регионов будут доступны только в середине 2021 г. Но по территориям СФО можно ожидать более высокие масштабы бедности по сравнению с аналогичным показателем в среднем по России. Это обуславливает научную и практическую значимость анализа динамики масштабов бедности на региональном уровне с целью определения демографических, социально-экономических факторов, работающих на рост и снижение численности абсолютно и относительно бедного населения в различные периоды экономического развития.

Обзор литературы

В социально-экономической литературе, посвященной изучаемой проблеме, выделяют три основных подхода к определению и измерению уровня бедности: абсолютный, относительный и субъективный. Абсолютный критерий бедности – это невозможность удо-

⁴О национальных целях развития России на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 21.07.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/63728>.

влетворять базовые потребности человека в питании, одежде, жилье и тепле [2, с. 17]. Абсолютный подход основан на сопоставлении доходов людей, домохозяйств с официально установленной чертой бедности. В России в качестве абсолютной черты бедности используется прожиточный минимум.

Начиная с 50-х гг. XX века, в развитых странах традиционное понятие «абсолютная бедность» уступило место «относительной бедности». В соответствии с относительным критерием, бедность – это не просто нехватка средств на обеспечение базовых потребностей, а невозможность следовать распространённому образу жизни» [3, с. 229]. Бедность рассматривалась как социально-экономическое неравенство, как неспособность следовать средним стандартам потребления [4].

Субъективная бедность – это самооценка индивидом уровня низких или недостаточных доходов. Субъективная бедность характеризует материальное положение индивида или семьи по их собственным оценкам. Данный подход предусматривает, что люди в ходе опросов общественного мнения сами указывают уровень дохода, который позволил бы им вести приемлемый уровень жизни [5, с. 136].

Российские ученые стали исследовать проблему бедности, начиная с 90-х годов XX века. Отечественные экономисты, социологи на протяжении длительного времени подробно рассматривали различные виды бедности, причины ее возникновения, особенности воспроизводства. Существенный вклад в изучение проблемы российской бедности внесли В. Н. Бобков [6], Л. А. Гордон [7], Л. Н. Овчарова, [8], И. И. Корчагина и Л. М. Прокофьева [9], Н. Е. Тихонова [10]. Различные подходы, в том числе и многомерные, к исследованию, конструированию, сопоставлению методов измерения бедности, ее основных характеристик представлены в публикациях И. И. Елисейевой и Ю. В. Раскиной [11], Т. С. Карабчук, Т. Р. Пашиновой и Н. Э. Соболевой [12], Н. В. Зубаревич и С. Г. Сафронова [13], П. Н. Павлова [14] Е. Д. Слободенюк и В. А. Аникиной [15].

При оценке масштабов распространения бедности исследователи уделяют внимание следующим факторам: регион проживания

[16], наличие в семье несовершеннолетних детей [17], наличие в домохозяйстве пожилых людей [18], повышенная доля в регионе сельских жителей [19], состояние здоровья населения [20], гендерная принадлежность [21]. Оценка взаимосвязи уровня бедности и различных факторов влияния позволяет выделять группы населения, типы домохозяйств, имеющие наиболее высокий риск попадания в число малоимущих.

На фоне значительного числа публикаций, посвященных проблеме бедности по России в целом, региональные исследования относительно немногочисленны. Проблемы бедности для городов с различной численностью населения (на примере Санкт-Петербурга и Вязников) изучались Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН [22]. Л. А. Мигранова с коллегами рассматривали адресную социальную помощь как инструмент снижения уровня бедности в Татарстане [23]. На основе опросов общественного мнения Е. Е. Гришина анализировала материальное положение и уровень социальной поддержки бедных семей с детьми в Ульяновской области [24]. Бедность как тормоз в развитии человеческого капитала населения Сибири исследовалась учеными Института экономики и организации промышленного производства СО РАН [25]. Е. А. Фролова, В. А. Маланина, Ф. Касати, А. А. Шавлохова изучали масштабы и причины бедности пенсионеров в различных российских регионах. На основе проведенного исследования они делают вывод о том, что больше всего малоимущих пенсионеров проживают в Северо-Кавказском, Сибирском и Дальневосточном округах [26, с. 144].

Региональные проблемы российской бедности изучались преимущественно на основе абсолютного или субъективного подхода к оценке нуждаемости. В данном исследовании анализ уровня, динамики, демографических, социально-экономических факторов роста (или сокращения) бедности основан на использовании абсолютного и относительного критерия бедности. Понимание региональных особенностей формирования российской бедности позволяет разрабатывать и реализовывать более адекватные меры по ее снижению на соответствующей территории.

Материалы и методы исследования

Для анализа динамики уровня бедности, оценки взаимосвязи бедности и демографических, социально-экономических факторов были использованы абсолютный и относительный подходы. Официально масштабы бедности в России оцениваются с позиций абсолютного подхода. То есть к числу бедных относят население со среднедушевыми доходами ниже величины регионального прожиточного минимума. В социальной политике развитых стран используется относительный подход, в соответствии с которым бедные – это люди со среднедушевыми денежными доходами ниже 50 % или 60 % медианного дохода (черта бедности, принятая в международных сопоставлениях).

Информационной основой исследования стали данные региональной статистики Росстата за 2008–2019 гг. (динамика абсолютной бедности) и за 2013–2019 гг. (динамика относительной бедности). Соответствующие статистические данные представлены на сайте Федеральной службы государственной статистики в разделах «Неравенство и бедность»⁵, «Регионы России. Социально-экономические показатели»⁶, «Демография»⁷. Оценка взаимосвязи масштабов бедности и социально-экономических факторов была основана на следующих статистических показателях: среднедушевой денежный доход, скорректированный на величину регионального прожиточного минимума (ПМ); уровень занятости населения в возрасте 15–72 лет; уровень общей безработицы по методологии Международной организации труда; коэффициент фондов; инвестиции в основной капитал на душу населения в регионе, скорректированные на аналогичный показатель в среднем по России. Оценка влияния демографических факторов на масштабы бедности включала долю населения младше и старше трудоспособного возраста, удельный вес сельских жителей в общей численности населения региона. В работе применялись общенаучные (анализ, син-

тез, сравнение, сопоставление) и статистические методы (динамический и корреляционный анализ). Для расчета рангового коэффициента корреляции Спирмена был использован пакет прикладных программ *IBM SPSS Statistics Base*.

Результаты исследования и их обсуждение

Динамика масштабов бедности в российских субъектах существенно изменялась под влиянием экономических кризисов, уровня занятости и безработицы, особенностей проводимой политики перераспределения доходов федерального бюджета между регионами с различным уровнем экономического развития. В соответствии с типологией регионов по уровню экономического развития, предложенной Н. В. Зубаревич [27, с. 32–33], к относительно благополучным территориям в составе Сибирского федерального округа относятся Красноярский край, Иркутская и Томская области. Субъекты со средним уровнем развития, так называемая «середина», это Новосибирская, Кемеровская, Омская области, республика Хакасия, Алтайский край (за последние десять лет этот регион балансировал на среднем или достаточно низком уровне экономического развития). Слаборазвитые регионы (аутсайдеры) – это республики Тыва и Алтай с максимальным уровнем абсолютной бедности.

За период 2010–2019 гг. доля Сибирского федерального округа в наиболее значимых общероссийских показателях, характеризующих социально-экономическое развитие, сокращалась. Доля населения СФО снизилась с 13,5 % в 2010 г. до 11,7 % в 2019 г. от общей численности населения России. Совокупный валовый региональный продукт территорий СФО сократился с 9,2 % до 8,0 % по отношению к валовому внутреннему продукту страны в текущих ценах за соответствующий год. Доля СФО в общероссийских инвестициях в основной капитал опустилась с 11,6 % до 9,9 %. В 2019 г. среднедушевые денежные доходы (СДД) сибиряков составили 77,1 % от уровня СДД

⁵ Федеральная служба государственной статистики. Неравенство и бедность. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723?print=1>.

⁶ Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.

⁷ Федеральная служба государственной статистики. Демография. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.

Таблица 1 – Уровень абсолютной бедности в регионах Сибирского федерального округа, %

Table 1 – The level of absolute poverty in the regions of the Siberian Federal District, %

Регионы СФО	Год										
	2008	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Республика Алтай	26,5	17,7	18,6	18,5	21,0	20,9	24,3	25,6	25,4	24,0	24,2
Республика Тыва	31,6	29,6	30,6	27,9	33,0	35,2	38,3	37,8	35,8	34,4	34,7
Республика Хакасия	17,4	18,4	18,6	16,3	17,8	18,2	17,7	19,1	18,8	18,5	18,9
Алтайский край	19,6	23,9	22,6	20,6	17,6	17,1	17,9	17,8	17,5	17,4	17,6
Красноярский край	16,6	17,9	18,1	15,6	15,6	17,0	18,9	18,4	17,6	17,1	17,5
Иркутская область	17,3	18,1	19,1	16,8	17,0	18,8	20,1	20,4	18,0	17,7	17,6
Кемеровская область	9,9	11,0	11,6	10,6	13,9	14,1	15,8	15,9	14,9	13,9	14,0
Новосибирская область	17,2	16,3	16,5	14,1	14,4	15,2	18,3	16,1	15,1	14,1	14,2
Омская область	13,9	14,1	12,7	11,0	12,5	12,4	13,9	14,7	14,2	13,6	13,9
Томская область	14,6	17,4	17,8	16,2	13,0	13,0	17,2	15,0	14,8	14,7	14,8
В среднем по РФ	13,1	12,5	12,7	10,7	10,8	11,3	13,4	13,2	12,9	12,6	12,3

в среднем по РФ, потребительские расходы на душу населения – 74,6 % от среднего значения по стране. Все это свидетельствует об отставании регионов Сибирского федерального округа в социально-экономическом развитии.

За последние двенадцать лет наиболее существенно масштабы абсолютной бедности снижались в большинстве регионах России, в том числе в СФО в 2008–2012 гг. Но в период кризиса 2014–2016 гг. численность малоимущих вновь стала увеличиваться. Достаточно интенсивно росла численность абсолютно бедных в регионах с низким и средним уровнем экономического развития. В период восстановительного роста (2017–2019 гг.) отмечалось небольшое снижение масштабов абсолютной бедности. Соответствующие данные представлены в таблице 1.

Среди регионов СФО максимальный уровень абсолютной бедности зафиксирован в национальных республиках Тыва и Алтай, которые характеризуются низкими показателями доходов населения и низким уровнем среднедушевого валового регионального продукта (ВРП). В относительно благополучных сибирских субъектах (Красноярский край, Томская область) масштабы бедности достаточно низкие по сравнению с другими территориями СФО. Причина невысокого уровня абсолютной бедности в Омской и Кемеровской области – это заниженный региональный прожиточный минимум (ПМ). Местные власти могут искусственно занижать черту абсолютной бедности, тем самым статистически сокращая численность малоимущих граждан. В Кузбассе длительное время величина прожиточно-

го минимума составляла 82 %–90 % от аналогичного показателя в среднем по России. В Омской области величина регионального ПМ равна 85–88 % от аналогичного среднероссийского показателя. В целом в 2013–2016 гг. статистический рост масштабов абсолютной бедности был невысокий, так как прожиточный минимум (официальная черта бедности) демонстрировал более медленный рост по сравнению с индексом потребительских цен.

Оценка масштабов относительной бедности отражает долю населения со среднедушевыми доходами ниже 60 % медианного дохода (табл. 2).

Между уровнем абсолютной и относительно бедности выявлена умеренно значимая отрицательная корреляционная связь. То есть с ростом числа малоимущих снижается доля относительно бедных. На протяжении 2014–2017 гг. парный коэффициент корреляции Спирмена между абсолютной и относительной бедностью менялся незначительно и имел отрицательное значение – 0,551. В 2018–2019 гг. взаимосвязь этих двух показателей была отрицательной и достаточно низкой – 0,349.

Уровни абсолютной и относительной бедности в сибирских субъектах заметно различаются по отношению наибольшего регионального значения за определенный год к наименьшему. В течение исследуемого периода различия в уровне абсолютной бедности по регионам СФО составили 2,52–2,84 раза [28, с. 505]. По уровню относительной бедности соответствующие различия за анализируемые годы – 1,13–1,19 раз.

Таблица 2 – Уровень относительной бедности в регионах Сибирского федерального округа, %

Table 2 – The level of relative poverty in the regions of the Siberian Federal District, %

Регионы СФО	Год						
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Республика Алтай	22,2	22,2	21,2	21,4	21,9	22,6	22,4
Республика Тыва	23,1	22,9	22,7	21,1	21,2	20,8	20,7
Республика Хакасия	22,6	21,6	20,9	21,2	21,5	21,4	20,4
Алтайский край	23,0	23,1	22,8	22,9	23,0	23,1	22,9
Красноярский край	25,6	24,8	24,4	24,3	24,0	24,0	23,8
Иркутская область	24,5	23,1	22,6	22,7	22,6	22,3	22,1
Кемеровская область	23,9	22,9	22,5	21,7	21,4	21,6	21,2
Новосибирская область	25,1	23,6	23,1	23,4	22,9	23,1	23,0
Омская область	25,2	25,3	24,8	24,5	23,8	23,5	23,3
Томская область	24,1	23,4	22,5	21,8	22,0	22,1	22,0
В среднем по РФ	25,5	25,3	25,2	25,2	25,1	25,2	25,1

В большинстве субъектов Сибирского федерального округа (за исключением республик Тыва и Алтай) масштабы относительной бедности выше абсолютных. В Тыве, Горном Алтае величина прожиточного минимума выше, чем доля в 60 % от медианного регионального среднедушевого дохода. Это работает на более высокую численность малоимущих по сравнению с относительной бедностью. В республиках Тыва, Алтай в общей структуре доходов населения социальные выплаты (пенсии, детские пособия) занимали 28–36 % при аналогичных значениях в среднем по России 17–19 %. Соотношение среднедушевого денежного дохода в Тыве и аналогичного среднероссийского показателя составляло в разные годы 47–51 %, в республике Алтай – 57–59 %. Более низкий уровень среднедушевых доходов формирует и более низкие масштабы относительной бедности в этих национальных республиках.

Уровень относительной бедности увеличивается с ростом среднедушевых денежных доходов населения, с ростом показателей, характеризующих внутрирегиональное доходное неравенство. Это актуально для регионов с относительно высоким и средним уровнем экономического развития. В период 2013–2019 гг. в Красноярском крае, Новосибирской и Омской областях были зафиксированы более высокие масштабы относительной бедности по сравнению с другими территориями Сибирского федерального округа. Вышеназванные сибирские субъекты характеризуются достаточно высокими показателями среднедушевых денежных доходов и уровнем

доходного неравенства. В 2019 г. соотношение среднедушевого денежного дохода и регионального прожиточного минимума в Омской области составило 2,72 раза, в Новосибирской области – 2,69, в Красноярском крае – 2,54 раза. В 2019 г. аналогичные показатели в республике Тыве (сибирский регион с самым высоким уровнем абсолютной бедности) – 1,57, в Горном Алтае – 2,00.

Демографические и социально-экономические факторы бедности

Региональные различия в уровне абсолютной и относительной бедности обусловлены многими факторами. Оценка взаимосвязи демографических факторов и масштабов абсолютной, относительной бедности в различные периоды экономического развития (кризисный период, восстановительный рост) представлена в таблице 3.

Начиная только с 2013 г., на сайте Федеральной службы государственной статистики, представлены данные о масштабах относительной бедности (доля населения с доходами ниже 60 % медианного уровня). Поэтому в таблицах 3 и 4 по относительному критерию отсутствуют коэффициенты ранговой корреляции Спирмена за 2008–2009 гг.

Самые значимые демографические факторы абсолютной бедности – это повышенный удельный вес детей в общей численности населения региона (нагрузка детьми) и более высокая доля сельских жителей в соответствующем субъекте по сравнению со средним значением в России. Фактор «нагрузка детьми» наиболее актуален для республик Тыва и Алтай.

Таблица 3 – Взаимосвязь уровня бедности и демографических, поселенческих факторов в регионах Сибирского федерального округа

Table 3 – The relationship between the level of poverty and demographic, settlement factors in the regions of the Siberian Federal District

Показатели, характеризующие демографические, поселенческие факторы		Уровень абсолютной бедности			Уровень относительной бедности	
		2008–2009	2014–2015	2018–2019	2014–2015	2018–2019
Доля населения младше трудоспособного возраста	Ранговая корреляция Спирмена	0,588	0,819	0,747	-0,617	-0,396
	Уровень значимости	0,006	0,000	0,000	0,004	0,084
Доля населения старше трудоспособного возраста	Ранговая корреляция Спирмена	-0,482	-0,537	-0,710	0,209	0,411
	Уровень значимости	0,032	0,015	0,000	0,377	0,034
Доля сельского населения в численности населения региона	Ранговая корреляция Спирмена	0,783	0,506	0,747	-0,375	-0,196
	Уровень значимости	0,000	0,023	0,000	0,103	0,406

Примечание: $N = 20$. Расчеты сделаны авторами на основе данных региональной статистики Росстата.

В 2019 г. доля детей в общей численности населения Тывы составляла 34,2 %, в республике Алтай – 27,8 %. Аналогичный показатель в среднем по России – 18,7 %, в среднем по СФО – 20,2 %. Среди сибирских регионов более высокая доля сельских жителей проживает в республиках Алтай, Тыва и Хакасия, в Алтайском крае.

Материнский капитал как способ стимулирования рождаемости оказался наиболее действенным в сельской местности, малых городах, слаборазвитых регионах с низким уровнем среднедушевого денежного дохода. Рождение второго и последующих детей существенно увеличивает риск попадания семьи в число бедных. Люди, проживающие в сельской местности в силу особенностей занятости, имеют более низкий уровень доходов и чаще попадают в число малоимущих. В Сибирском федеральном округе повышенная доля сельских жителей по сравнению со средним значением в РФ фиксируется в республиках Алтай и Тыва (70,7 % и 45,7 %, соответственно), в Алтайском крае (43,1 %), в республике Хакасия (30,2 %). В 2019 г. доля сельских жителей в среднем по России составила 25,3 %.

Отрицательная связь уровня абсолютной бедности и доли пожилого населения объясняется тем, что для неработающих пенсионеров, у которых размер пенсии ниже прожиточного минимума пенсионера, установлена федеральная или региональная социальная доплата до величины регионального ПМ. Формаль-

но (без учета состава домохозяйств) все пенсионеры по старости не попадают в число абсолютно бедных.

При переходе к относительной бедности ее демографический профиль меняется. Риск пенсионеров стать относительно бедными увеличился в 2016–2019 гг. по сравнению с 2014–2015 гг. Соответствующий положительный коэффициент корреляции по пенсионерам в 2016–2017 гг. составил 0,416, в 2018–2019 гг. – 0,411.

Между масштабами относительной бедности и фактором «доля детей в численности населения региона» прослеживается отрицательная умеренная или отрицательная слабая связь. В регионах с высокой долей детей в общей численности населения региона черта абсолютной бедности оказалась выше, чем доля в 60 % от медианного дохода.

Следующая группа факторов, которые влияют на масштабы абсолютной и относительной бедности, это социально-экономические. Оценка взаимосвязи данных факторов и уровня бедности представлена в таблице 4.

Самое существенное и устойчивое влияние на абсолютную и относительную бедность отказывают среднедушевые денежные доходы населения, скорректированные на величину регионального прожиточного минимума. С ростом доходов населения по отношению к прожиточному минимуму численность малоимущих снижается, уровень относительной бедности увеличивается. Умеренное отрица-

Таблица 4 – Взаимосвязь уровня бедности и социально-экономических факторов в регионах Сибирского федерального округа

Table 4 – The relationship between the poverty level and socio-economic factors in the regions of the Siberian Federal District

Показатели, характеризующие демографические, поселенческие факторы		Уровень абсолютной бедности			Уровень относительной бедности	
		2008–2009	2014–2015	2018–2019	2014–2015	2018–2019
Уровень общей безработицы	Ранговая корреляция Спирмена	0,707	0,566	0,393	– 0,384	– 0,244
	Уровень значимости	0,000	0,009	0,087	0,094	0,299
Уровень занятости населения	Ранговая корреляция Спирмена	– 0,663	– 0,489	– 0,671	0,616	0,645
	Уровень значимости	0,001	0,029	0,001	0,004	0,002
Среднедушевой денежный доход, скорректированный на величину ПМ	Ранговая корреляция Спирмена	– 0,893	– 0,936	– 0,902	0,737	0,601
	Уровень значимости	0,000	0,000	0,000	0,000	0,005
Коэффициент фондов	Ранговая корреляция Спирмена	– 0,541	– 0,492	– 0,498	0,937	0,950
	Уровень значимости	0,014	0,027	0,023	0,000	0,000
Инвестиции в основной капитал на душу населения в регионе, скорректированные к среднему значению по РФ	Ранговая корреляция Спирмена	– 0,552	– 0,178	– 0,322	0,136	0,250
	Уровень значимости	0,012	0,495	0,166	0,566	0,288

Примечание: $N = 20$. Расчеты сделаны авторами на основе данных региональной статистики Росстата.

тельное воздействие на абсолютную бедность оказывает внутрирегиональное неравенство, измеряемое коэффициентом фондов.

В 2019 г. коэффициент фондов по территориям СФО составил 9,3–13,0, в среднем по РФ – 15,4. Среди сибирских территорий относительно высокий коэффициент фондов в Красноярском крае (13,2), Новосибирской (12,1) и Омской областях (12,4), где выше среднедушевые денежные доходы, скорректированные на величину ПМ. В 2019 г. самый низкий уровень внутрирегионального доходного неравенства среди субъектов СФО был в республиках Тыва (9,7) и Хакасия (10,3), в Кемеровской области (10,4). Между уровнем абсолютной бедности и коэффициентом фондов выявлена отрицательная корреляционная связь. В периоды экономических кризисов численность малоимущих граждан повышается, доходное неравенство сокращается, масштабы относительной бедности снижаются.

В 2008–2015 гг. устойчиво на рост масштабов абсолютной бедности работал фактор «уровень общей безработицы», рассчитываемый по методологии Международной организации труда. В эти годы в республиках Ты-

ва и Алтай, Алтайском крае, Иркутской, Томской областях уровень безработицы был выше аналогичного показателя в среднем по СФО. Начиная с 2017 г., общая безработица стала снижаться в целом по России, в регионах Сибирского федерального округа. В 2018–2019 гг. влияние безработицы на абсолютную бедность оказалось достаточно слабым.

Факторы, работающие на снижение численности абсолютно бедных, это рост среднедушевых доходов населения, положительная динамика уровня занятости и среднедушевого объема инвестиций в основной капитал. Рост этих показателей усиливает внутрирегиональное неравенство, так как инвестиции, уровень занятости, доходы населения имеют более значимую позитивную динамику в относительно развитых сибирских территориях (Красноярский край, Иркутская и Томская области).

Расчеты парной корреляции по регионам Сибирского федерального округа показывают, что в 2014–2019 гг. главным социально-экономическим фактором относительной бедности был среднедушевой денежный доход, скорректированный на величину прожиточного минимума. С ростом доходов населения усиливалось внутрирегиональное нера-

венство, измеряемое коэффициентом фондов. Значимым фактором роста относительной бедности также является уровень занятости населения в возрасте 15–72 лет. Фактор инвестиции в основной капитал на душу населения, скорректированные на аналогичный среднероссийский показатель, оказался мало значимым по причине низкого уровня инвестиций. Только в двух регионах СФО (Красноярский край, Иркутская область) объем инвестиций на душу населения был несколько выше среднего значения по РФ. Уровень инвестиций в большинстве других сибирских территориях составлял 27–58 % от среднедушевого объема инвестиций в среднем по РФ.

Таким образом, уровень абсолютной бедности в регионах Сибирского федерального округа определяется следующими факторами: повышенная доля детей в общей численности населения региона, повышенная доля сельских жителей по сравнению со среднероссийскими значениями, достаточно высокий уровень общей безработицы по методологии МОТ. Рост среднедушевых денежных доходов населения, скорректированных на величину регионального ПМ, работает на снижение численности малоимущих. Влияние данных факторов достаточно устойчиво, за исключением уровня общей безработицы в 2018–2019 гг.

Использование критерия относительной бедности меняет ее демографический и региональный профиль. Фактор «нагрузка детьми» негативно коррелирует с относительной бедностью. Поэтому в регионах с высокой долей детского населения (республики Тыва и Алтай) масштабы относительной бедности более низкие, чем доля малоимущих граждан. Однако риски относительной бедности увеличиваются для пожилого населения Алтайского края (26,8 % – доля пожилых), Кемеровской (25,2 %), Омской областей (24,8 %) и Хакасии (23,9 %), в которых достаточно высокая доля лиц старше трудоспособного возраста. Уровень относительной бедности увеличивается в достаточно благополучные периоды экономического развития, когда повышается уровень занятости, растет среднедушевой денежный доход населения, скорректированный на величину ПМ. В этих условиях усиливается внутрирегиональное неравенство и, как следствие,

растет доля людей с доходами менее 60 % медианного дохода. Среди регионов СФО более высокий уровень относительной бедности в Красноярском крае, Новосибирской и Омской областях.

Заключение

Региональные особенности бедности, измеряемой на основе абсолютного и относительного подходов, достаточно существенны. Между уровнем абсолютной и относительной бедности выявлена умеренно значимая отрицательная корреляционная связь. То есть с ростом абсолютной бедности снижается доля относительно бедных со среднедушевыми денежными доходами ниже 60 % медианного регионального дохода.

Динамика абсолютной и относительной бедности во многом различна. До 2013 г. абсолютная бедность в регионах Сибирского федерального округа достаточно активно снижалась. В период кризиса 2014–2016 гг. численность малоимущих граждан стала возрастать. В 2017–2019 гг. наметилась тенденция к снижению доли людей с доходами ниже величины регионального прожиточного минимума. Значимая причина снижения численности малоимущих в период восстановительного роста – это более медленный рост величины прожиточного минимума по сравнению с индексом потребительских цен. В течение последних пятнадцати лет устойчиво самые высокие масштабы абсолютной бедности фиксировались в двух сибирских субъектах, в национальных республиках Тыва и Горный Алтай.

В Сибирском федеральном округе за период 2013–2019 гг. более высокий уровень относительной бедности был в 2013 г. В последующие годы относительная бедность несколько сократилась по причине снижения реальных доходов населения, ослабления внутрирегионального доходного неравенства, измеряемого коэффициентом фондов. При использовании относительного критерия снижается бедность в регионах с высокой долей детей в общей численности населения («нагрузка детьми»), но повышаются риски бедности для пенсионеров. Значимый социально-экономический фактор роста относительной бедности и снижение абсолютной – это увеличение уровня занятости населения. Пози-

тивная динамика уровня занятости определяется ростом среднедушевого объема инвестиций в основной капитал. Более устойчивая связь уровня занятости и показателя инвестиций в достаточно благополучных в экономическом плане регионах СФО: Красноярский край и Иркутская область.

Дальнейшие перспективы изучения данной темы будут связаны с выявлением общих и специфических черт в региональном профиле абсолютной и относительной бедности в территориях с различным уровнем экономи-

ческого развития. В группу аутсайдеров попадают республики Тыва, Алтай и Алтайский край, «середина» по уровню экономического развития – это республика Хакасия, Кемеровская, Омская и Новосибирская области. Относительно развитые в экономическом плане сибирские субъекты – Красноярский край, Иркутская и Томская области. Для определения нелинейной связи уровня экономического развития и регионального профиля бедности будет использован кластерный, факторный и корреляционно-регрессионный анализ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зубаревич Н.В. (2019). Бедность в российских регионах 2000-2017: факторы и динамики // *Население и экономика*. № 3 (1). С. 63–74.
2. Овчарова Л.Н. (2012) Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // *SPERO. Социальная политика: Экспертиза. Рекомендации. Обзоры*. № 16. С. 15–38.
3. Ярошенко С. (2010). Новая бедность в России после социализма // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. № 2. С. 221–251.
4. Zelinsky T. (2010). Analysis of Poverty in Slovakia based on the Concept of Relative Deprivation, *Politicka ekonomie*, no. 4 (58), pp. 542–565.
5. Кошарная Г.Б., Каримова Л.Ф. (2013). Основные подходы к измерению уровню бедности в современной России // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. № 4 (28). С. 132–139.
6. Бобков В.Н. (2019). Бедность, уровень и качество жизни: методология анализа, механизмы реализации // *Уровень жизни населения регионов России*. № 1. С. 7.
7. Гордон Л.А. (2001). Бедность, благополучие, противоречивость: материальная дифференциация в 1990-е годы // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 5–21.
8. Ovcharova L., Biryukova S. (2018). Poverty and the Poor in Post-Soviet Russia 2018. *Poverty, Politics and the Poverty of Politics*. BR Publishing Co. Ch. 6, pp. 151–175.
9. Корчагина И.И., Прокофьева Л.М., Тер-Акопов С.А. (2019). Материальные депривации в оценках бедности // *Народонаселение*. № 2. С. 51–63.
10. Тихонова Н.Е. (2014). Феномен бедности в современной России // *Социологические исследования*. № 1 (357). С. 7–19.
11. Елисева И.И., Раскина Ю.В. (2017). Изменение бедности в России: возможности и ограничения // *Вопросы статистики*. № 8. С. 70–89.
12. Карабчук Т.С., Пашинова Т.Р., Соболева Н.Э. (2013). Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ? // *Мир России. Социология. Этнология*. Т. 22. № 1. С. 155–175.
13. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. (2019). Люди и деньги: доходы, потребление и финансовое поведение населения российских регионов в 2000-2017 гг. // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. № 5. С. 3–17.
14. Павлов П.Н. (2020). Влияние регуляторной жесткости нормативно-правовой базы на динамику бедности в регионах России // *Вопросы экономики*. № 12. С. 62–79.
15. Слободенюк Е.Д., Аникин В.А. (2018). Где пролегает «черта бедности» в России? // *Вопросы экономики*. № 1. С. 104–127.
16. Зубаревич Н.В. (2019). Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы? // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 57–70.
17. Елизаров В.В., Синица А.А. (2019). Факторы бедности семей детьми и перспективы её снижения // *Уровень жизни населения регионов России*. № 2 (212). С. 63–75.
18. Фролова Е.А., Кашапова Э.Р., Клемашева Е.И., Маланина В.А. (2019). Сравнительный анализ социально-демографических характеристик пожилых людей в России // *Векторы благополучия: экономика и социум*. № 2 (33). С. 36–45.
19. Pastukhova E.Ya., Morozova E.A. (2019). Poverty and problems of nutrition in the Russian regions, *European Proceedings of Social & Behavioural Sciences* (EpSBS), vol. LIX, pp. 827–835.
20. Кислицына О.А. (2015). Влияние социально-экономических факторов на состоя-

ние здоровья: роль абсолютных или относительных лишений // Журнал исследований социальной политики. Т. 13. № 2. С. 289–302.

21. Денисова И.А., Карцева М.А. (2020). Гендерные аспекты бедности в России: абсолютный и многокритериальный подход // Женщина в российском обществе. № 2. С. 138–154.

22. Лаптева Е.А. (2004). Географический анализ проблем бедности в крупнейших и малых городах России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. № 3. С. 39–44.

23. Мигранова Л.А., Мелина Е.В. (2007). Адресная социальная помощь и решение проблемы бедности населения в Республике Татарстан // Народонаселение. № 2 (36). С. 38–53.

24. Гришина Е.Е. (2020). Материальное положение и социальная поддержка семей с детьми в

Ульяновской области // Народонаселение. Т. 23. № 1. С. 39–52.

25. Калугина З.И. (2018). Сибирь в ракурсе человеческого развития // Регион: экономика и социология. № 2 (98). С. 110–132.

26. Фролова Е.А., Маланина В.А., Касати Ф., Шавлохова А.А. (2020). Региональный аспект бедности пожилых людей в России // Векторы благополучия: экономика и социум. № 4 (39). С. 138–147.

27. Зубаревич Н.В. (2010). Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики. 160 с.

28. Пастухова Е.Я., Морозова Е.А., Егорова Н.М. (2021) Факторы межрегиональной дифференциации уровня бедности: абсолютный и депривационный подходы. Региональная экономика: теория и практика. Т. 19. Вып. 3. С. 500–520.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Пастухова Елена Яковлевна – кандидат экономических наук, доцент; Кемеровский государственный университет (650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6); reau.13@yandex.ru.

Мухачёва Анна Валентиновна – кандидат экономических наук, доцент; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (173003, Россия, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41); oblakkko@mail.ru.

Кочнева Оксана Петровна – Кузбасский региональный институт развития профессионального образования (650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6); smior@yandex.ru.

RATES, DYNAMICS, AND FACTORS OF ABSOLUTE AND RELATIVE POVERTY: REGIONAL ASPECT

Е.Я. Pastukhova^{8a}, A.V. Mukhachyova^{9b}, O.P. Kochneva^{10c}

^aKemerovo State University

^bYaroslav-the-Wise Novgorod State University

^cKuzbass Regional Institute of Professional Education Development

ABSTRACT:

Significant differences in the scale and profile of poverty in Russian regions are an obstacle to achieving the national goal of reducing the poverty level by half by 2030. In the Siberian Federal District, the poverty level has been above the average in Russia for a long time and it still remains so. This determines the scientific and practical significance of analyzing the dynamics of poverty, its correlation with demographic, social and economic factors that significantly affect absolute or relative poverty.

The absolute and relative approaches are the theoretical and methodological basis of the research that help to analyze the level and dynamics of poverty. Demographic, social and economic factors determining poverty profile have been identified. The information base of the study is regional statistics for the Siberian territories. The methods of comparative and dynamic analysis and Spearman's rank correlations were used.

⁸RSCI AuthorID: 405114, ORCID: 0000-0001-5518-1783

⁹RSCI AuthorID: 680524, ORCID: 0000-0002-3720-4969

¹⁰RSCI AuthorID: 614574, ORCID: 0000-0002-2796-9669

Different dynamics of absolute and relative poverty during the crisis and recovery growth have been identified. Regions with persistently high levels of absolute poverty (Tyva Republic, Altai Republic), territories with average rate and rather low rate of poor citizens have been revealed. Absolute poverty increased during the 2014–2016 crisis. Relative poverty declined due to the reduction in intraregional income inequality in 2014–2016. Absolute poverty is determined by demographic factors (“child load”), the level of urbanization, low per capita incomes, and a fairly high level of general unemployment. An increase in average per capita money income adjusted to the cost of living in the regions, decreases absolute poverty.

Use of an income of less than 60 % of the median income as a criterion for relative poverty changes the demographic and regional profile of poverty. Poverty is reduced in areas with a high child rate if this criterion is applied. However, the relative poverty level of pensioners rises. The factors of growth of the level of relative poverty are determined: positive dynamics of employment, growth of average per capita money income adjusted to the cost of living in the regions. The research results are applicable in the development of social policy to reduce poverty in the most vulnerable social and demographic groups of the population.

FUNDING: The research is accomplished under the financial support of a grant from the Academician Nikolai Fedorenko International Scientific Foundation of Economic Research on the topic: “Specificity of regional poverty: scale, characteristics, influencing factors, prospects for reduction (a case study of Siberia regions)”.

KEYWORDS: absolute poverty, relative poverty, demographic factors, monetary income, minimum cost of living, general unemployment rate, employment level, Siberian regions.

FOR CITATION: Pastukhova E.Ya., Mukhachyova A.V., Kochneva O.P. (2021). Rates, dynamics, and factors of absolute and relative poverty: regional aspect, *Management Issues*, no. 3, pp. 80–92.

REFERENCES

- Zubarevich N.V. (2019). Poverty in Russian regions 2000–2017: Factors and dynamics, *Population and economy*, no. 3 (1), pp. 63–74.
- Ovcharova L.N. (2012). Theoretical and methodological issues of determining and measuring poverty, *SPERO. Social policy: examination. Recommendations. Reviews*, no. 16, pp. 15–38.
- Yaroshenko S. (2010). New poverty in Russia after socialism, *LABORATORIUM. Journal of Social Research*, no. 2, pp. 221–251.
- Zelinsky T. (2010). Analysis of Poverty in Slovakia based on the Concept of Relative Deprivation, *Politická ekonomie*, no. 4 (58), pp. 542–565.
- Koshnarnaya G.B., Karimova L.F. (2013). The main approaches to the measurement of the level of poverty in modern Russia, *News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences*, no. 4 (28), pp. 132–139.
- Bobkov V.N. (2019). Poverty, level and quality of life: analysis methodology, implementation mechanisms, *Living standards of the population of Russia regions*, no. 1, p. 7.
- Gordon L.A. (2001). Poverty, well-being, inconsistency: material differentiation in the 1990s, *Public sciences and modernity*, no. 3, pp. 5–21.
- Ovcharova L., Biryukova S. (2018). Poverty and the Poor in Post-Soviet Russia 2018. Poverty, Politics and the Poverty of Politics. BR Publishing Co. Ch. 6, pp. 151–175.
- Korchagina I.I., Prokofieva L.M., Ter-Akopov S.A. (2019). Material deprivations in poverty estimates, *Population*, no. 2, pp. 51–63.
- Tikhonova N.E. (2014). Poverty phenomenon in modern Russia, *Sociological studies*, no. 1 (357), pp. 7–19.
- Eliseeva I.I., Raskina Yu.V. (2017). Measuring poverty in Russia: opportunities and restrictions, *Questions of statistics*, no. 8, pp. 70–89.
- Karabchuk T.S., Pashinova T.R., Soboleva A.D. (2013). Poverty of households in Russia: what does the data of the RME HSE say? *World of Russia. Sociology. Ethnology*, vol. 22, no. 1, pp. 155–175.
- Zubarevich N.V., Safronov S.G. (2019). People and money: income, consumption and financial behavior of the population of Russian regions in 2000–2017, *News of the Russian Academy of Sciences. The geographic series*, no. 5, pp. 3–17.
- Pavlov P.N. (2020). The effect of regulatory stiffness of the regulatory framework on the dynamics of poverty in the regions of Russia, *Questions of the economy*, no. 12, pp. 62–79.
- Slobodenyuk E.D., Anikin V.A. (2018). Where

breaks the “poverty line” in Russia? *Questions of the economy*, no. 1, pp. 104–127.

16. Zubarevich N.V. (2019). Inequality of regions and major cities of Russia: what has changed in the 2010th? *Public sciences and modernity*, no. 4, pp. 57–70.

17. Elizarov V.V., Sinitisa A.L. (2019). Poverty factors of families with children and prospects for its decline, *Standard of living of the population of Russia regions*, no. 2 (212), pp. 63–75.

18. Frolova E.A., Kashapova E.R., Klemasheva E.I., Malanina V.A. (2019). Comparative analysis of the socio-demographic characteristics of the elderly in Russia, *Vectors of well-being: Economics and society*, no. 2 (33), pp. 36–45.

19. Pastukhova E.Ya., Morozova E.A. (2019). Poverty and problems of nutrition in the Russian regions, *European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EPSBS)*, Vol. LIX, pp. 827–835.

20. Kislitsyna O.A. (2015). The impact of socio-economic factors for health: the role of absolute or relative deprivation, *Journal of Social Policy Research*, vol. 13, no. 2, pp. 289–302.

21. Denisova I.A., Kartseva M.A. (2020). Gender aspects of poverty in Russia: absolute and multi-criteria approach, *Woman in Russian society*, no. 2, pp. 138–154.

22. Lapteva E.A. (2004). Geographical analysis of poverty issues in the largest and small cities of Russia, *Bulletin of Moscow University. Series 5: Geography*, no. 3, pp. 39–44.

23. Migranova L.A., Melina E.V. (2007). Addresive social assistance and solving the problem of the poverty of the population in the Republic of Tatarstan, *Population*, no. 2 (36), pp. 38–53.

24. Grishina E.E. (2020). Income and social support for families with children in the Ulyanovsk region, *Population*, vol. 23, no. 1, pp. 39–52.

25. Kalugina Z.I. (2018). Siberia in the perseverse of human development, *Region: Economics and Sociology*, no. 2 (98), pp. 110–132.

26. Frolova E.A., Malanina V.A., Casati F., Shavlokhova A.A. (2020). Regional aspect of the poverty of the elderly in Russia, *Vectors of well-being: economics and society*, no. 4 (39), pp. 138–147.

27. Zubarevich N.V. (2010). Regions of Russia: inequality, crisis, modernization. Moscow: Independent Institute of Social Policy. 160 p.

28. Pastukhova E.Ya., Morozova E.A., Egorova N.M. (2021) Factors of interregional differentiation of poverty level: absolute and deprivational approaches, *Regional economics: Theory and practice*, vol. 19, vol. 3. pp. 500–520.

AUTHORS' INFORMATION:

Elena Ya. Pastukhova – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Kemerovo State University (6, Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russia); peau.13@yandex.ru.

Anna V. Mukhachyova – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (41, Bolshaya St. Petersburgskaya St., Veliky Novgorod, 173003, Russia); oblakkko@mail.ru.

Oksana P. Kochneva – Kuzbass Regional Institute of Professional Education Development (6, Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russia); smiop@yandex.ru.